

Харисова Чулпан Мухаррамовна, Шакирова Гульнара Расиховна

НАРЕЧИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТАТАРСКОМ И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье освещается лингвистический аспект изучения наречия в татарском и в других тюркских языках. Описывается сравнительно позднее оформление данной группы слов как самостоятельной части речи. Рассматривается диахрония изучения наречия лингвистами татарского и других тюркских языков. Статья опирается на принципы и положения, содержащиеся в трудах тюркологов. Наречия в татарском и других тюркских языках не дифференцированы от других частей речи какими-либо специфическими показателями, кроме словообразующих аффиксов. Следовательно, актуальной является системная характеристика наречия, а также его сравнение с прилагательным и деепричастием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 203-206. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 372.881.1

В статье освещается лингвистический аспект изучения наречия в татарском и в других тюркских языках. Описывается сравнительно позднее оформление данной группы слов как самостоятельной части речи. Рассматривается диахрония изучения наречия лингвистами татарского и других тюркских языков. Статья опирается на принципы и положения, содержащиеся в трудах тюркологов. Наречия в татарском и других тюркских языках не дифференцированы от других частей речи какими-либо специфическими показателями, кроме словообразующих аффиксов. Следовательно, актуальной является системная характеристика наречия, а также его сравнение с прилагательным и деепричастием.

Ключевые слова и фразы: наречие; часть речи; тюркские языки; лингвистический аспект; обучение; татарский язык.

Харисова Чулпан Мухаррамовна, д. пед. н., профессор

Шакирова Гульнара Расиховна, к. пед. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

c.harisova@yandex.ru; shakirova25@mail.ru

НАРЕЧИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТАТАРСКОМ И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема частей речи в тюркских языках является одной из самых сложных и дискуссионных, хотя ей и посвящено немало исследований [19, с. 209]. Положение наречия в морфологической системе тюркских языков связано с длительным формированием данной группы слов как самостоятельной части речи. Этому способствовала неопределенность четких границ между ним и другими частями речи, весьма слабая дифференциация его от других частей речи. Морфологически наречия трудно отличить, с одной стороны, от прилагательных, а с другой – от определенных форм имен существительных, а также служебных частей речи и деепричастных форм глагола. Все эти лингвистические особенности наречия создают трудности в усвоении данной части речи как языковой, так и речевой единицы.

Учитывая, что наречие во многих тюркских языках является сравнительно малоизученной группой слов, в настоящее время исследователи в области методики большое внимание уделяют особенностям наречий. В высшей и средней школе они обычно выявляются в процессе сравнения с именами прилагательными. Это позволяет качественно пересмотреть методику изучения наречия, которая должна иметь прочные теоретические основы [17]. В связи с этим огромную ценность представляют исследования, рассматривающие формирование данной части речи в татарском и других тюркских языках в лингвистическом аспекте.

Изучение наречия в диахронии, начиная с первых грамматик, вышедших в начале XIX века, и до современных грамматик татарского языка, предоставляет возможность в динамике рассмотреть отношение грамматистов к наречию, чтобы выбрать необходимые лингводидактические условия для изучения данной части речи.

При обучении использованию наречия татарского языка особенно важным является определение его лексического значения, грамматических особенностей и синтаксических функций. Кроме того, считается, что наречие как самостоятельная часть речи в татарском языке сформировалось сравнительно недавно. Этот процесс продолжается и сейчас, о чем свидетельствует наличие отдельных словоформ, находящихся между различными частями речи и наречием (Д. Г. Тумашева, Ф. М. Хисамова, Ч. М. Харисова).

Отсутствие морфологических, грамматических категорий у наречия послужило причиной отрицания его принадлежности к отдельным частям речи вообще. Так, К. С. Аксаков относит эту часть речи к синтаксическим явлениям. Наречие, по мнению автора, не является частью речи, «ибо часть речи это то, что получило в слове особую форму, особый отдел, а наречие своей особой формы не имеет. <...> Наречие выражает отношение, оно уже есть синтаксическое явление», – утверждает автор [1, с. 401-403]. В этом случае нетрудно заметить некоторые искажения в освещении проблемы: 1) наречие, которое выступает в большинстве случаев в роли обстоятельства, нельзя идентифицировать с обстоятельством, то есть с членом предложения; 2) не всякое обстоятельство может быть выражено наречием. И на сегодняшний день наречия в татарском и в других тюркских языках, кроме некоторых производных наречий, которые имеют специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи.

Изучение наречия в татарском языкознании начинается уже в начале XIX века. Так, в грамматике И. Гиганова впервые упоминается о наречии как о части речи. Значение наречия автор первой татарской грамматики определяет довольно полно: «Наречие есть часть речи, поставляемая перед глаголами и именами и обозначающая разные их обстоятельства» [4, с. 176]. Вот некоторые примеры: *хорошо – яхшы, прежде – иң, борын, так – шулай, нет – юк, вот – менә, вон – чык* [Там же, с. 177-178]. Как видно из приведенных примеров, среди наречий оказались прилагательные, глаголы, указательные местоимения, частицы, предикативные слова, которые частично передают значение наречий русского языка. Следует отметить, что при составлении этой грамматики автор опирался на грамматику русского языка.

А. Троянский в своей грамматике отмечает, что «наречие есть слово, выражающее качество или обстоятельство другого качества или действия» [14, с. 64]. Как видно, эта трактовка оказалась достаточно близкой к современной. Несмотря на это, в данной грамматике к разряду наречий отнесены некоторые имена

существительные, прилагательные, послелого, союзы, местоимения, предикативные и модальные слова, а также частицы. Например: *юк – нет, менә – вот, ни өчен – зачем, кебек – словно, ничә – сколько, алла – или* и др. [Там же, с. 64–68].

В 1869 году членами Алтайской миссии в Казани издается «Грамматика алтайского языка» [5], в которой наречие отнесено к служебным словам, а именно к частицам. Следует отметить, что авторы этой грамматики к частицам, наряду с наречиями, относят междометия, послелого и союзы.

В 1895 году типографией Казанского университета была издана грамматика татарского языка К. Насыри – *Әнмүзәҗ*. На взгляды автора оказали влияние две лингвистические школы: арабская и русская. При этом К. Насыри не следует слепо ни за одной из них, а пытается синтезировать их достижения, используя то, что наиболее соответствует системе его родного языка. В своей грамматике ученый выделяет группу слов – «зарыф», что в переводе с арабского означает наречие. К. Насыри пишет, что этот термин употребляется для обозначения действия или события [11, б. 133–134]. «Зарыф» делится на два вида: наречия времени и наречия места. К наречиям времени К. Насыри относит такие слова, как *бүген – сегодня, көндөз – днем, әле – ещё, иртә белән – утром, җәй көне – летом* и т.д., а к наречиям места – *анда – там, шунда – там, теҗендә – там, эттә – внутри, уңда – справа* и т.д. [Там же, б. 134]. Как мы видим, в грамматике *Әнмүзәҗ* тоже много слов, относящихся к другим частям речи, значение которых близко к наречиям.

Г. Нугайбек в своей грамматике называет наречия «руководителями» и определяет их как слова, обозначающие место, время, образ действия, которые выступают перед глаголами и не изменяются [12, б. 68]. Однако он не указывает на то, что наречия могут выражать признак качества, хотя впервые подчеркивает неизменяемость наречий в татарском языке. К сфере наречий ученый относит деепричастия (*карый бардым – осматриваясь*) и инфинитивы (*карарга бардым – пошел посмотреть*). Следует отметить, что в грамматике Г. Нугайбека среди наречий уже нет служебных частей речи и что ученый приводит множество примеров парных наречий (*тырт-пырт – колко, ашык-пошык – наспех*) [Там же].

В грамматике *Татар сарыфы* Г. Ибрагимова уделяется огромное внимание изучению частей речи, наречие же рассматривается в сфере имен прилагательных. Автор отмечает, что имя прилагательное и наречие являются одной частью речи [9, б. 11].

Другой известный тюрколог Г. Алпаров считает, что если прилагательные являются наречиями существительных, то наречия являются прилагательными глаголов, и выделяет наречия в особую часть речи. Ученый впервые использует современный термин *рәвеш*. «*Рәвеш (наречие)* – персидское слово, *равииш* “образ, образ действия, от слова *агыш, барыш*” (*раван* от основы глагола “бару – идти”, “киту – уходить”)» [2, б. 55].

Таким образом, в татарских грамматиках XIX – начала XX века описание наречий представлено в основном по образцу русских грамматик [17, с. 172]. При этом основное внимание уделяется их семантике. Татарские грамматисты выделяли наречие как самостоятельную часть речи. В основном наречия определяются как слова, выступающие перед глаголами и именами и выполняющие функции различных обстоятельств. Однако ученые того периода еще не всегда имели четкие представления о сути наречия как части речи, что привело к некоторым неточностям в определении их специфических особенностей. Так, среди наречий оказывались и слова из других частей речи: местоимения, модальные слова, частицы, союзы и др. Кроме того, переводы многих слов на татарский язык передают значения наречий, указанных в русских грамматиках.

Обращаясь к истории изучения наречий, следует указать на тот факт, что не только в татарском языкознании, но и в целом в тюркологии многие вопросы исследования этой части речи оставались неясными, спорными, дискуссионными.

Постепенно в грамматиках 30-х годов XX века наречие начинает занимать устойчивое место в ряду самостоятельных частей речи. Это связано, прежде всего, с созданием более полных и подробных грамматик тюркских языков. Так, тюрколог А. К. Боровков определяет наречие как «категорию неизменяемых слов, употребляющихся в одной застывшей форме в качестве признака действия, состояния или признаков других признаков» [3, с. 76]. Автор учебника уйгурского языка отмечает, что между наречиями и прилагательными можно провести только синтаксическую грань, потому что прилагательные выражают свойства и признаки глагола и переходят в наречия по своей синтаксической функции [Там же].

Автор книги по грамматике башкирского языка Н. К. Дмитриев определяет наречие как грамматическую категорию, «которая указывает на признак действия (глагола) или признак признака (прилагательного)» [6, с. 112], тем самым обращая внимание на сочетаемость этой части речи с глаголом. Одновременно он признает сочетаемость наречий с именами существительными, как и сочетаемость имен прилагательных с глаголами: *татарча яза – татарча китап; якшы бала – якшы укый*. В связи с этим большую методическую ценность приобретает его высказывание об актуальности разграничения наречий и имен прилагательных: «Решающим элементом для анализа татарских частей речи является семантика отдельного слова. С этой точки зрения, например, слово “якшы” для татарского языка представляет единую величину, логически она связана с понятием атрибута, признака, поэтому ее без всяких колебаний надо отнести к прилагательным. “Якшы” для татарского языка морфологически есть и остается прилагательным независимо от того, в какой синтаксической функции (определение или обстоятельство) оно выступает. В татарском языке каждое прилагательное типа “якшы” синтаксически может быть употреблено как обстоятельство, без каких бы то ни было морфологических изменений» [Там же, с. 70–71].

В своих грамматиках турецкого (1939), кумыкского (1940), башкирского (1948) языков, а также в статьях «Наречия в татарском и русском языках» (1948) и «Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе» Н. К. Дмитриев отмечал, что наречия в тюркских языках – это не завершенная

в своем оформлении категория, которая находится в процессе становления. Хочется отметить, что именно труд ученого «Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе», написанный в соавторстве с профессором В. М. Чистяковым, стал в дальнейшем основополагающим при разработке методики обучения наречиям как татарского, так и русского языков [7, с. 31-43].

Описывая наречия хакасского языка, Н. П. Дыренкова отмечает, что значительная часть наречий морфологически восходит к именам существительным, прилагательным, числительным, местоимениям, глаголам. Она предлагает тестировать принадлежность слова к определенной части речи семантико-грамматической эквивалентностью вопросительного слова [8].

Якутовед Л. Н. Харитонов указывает, что «наречия в якутском языке представляют собой самостоятельный разряд слов, достаточно четко различаемый от всех прочих слов по своим семантическим, синтаксическим и морфологическим признакам» [18, с. 5]. Как полагает ученый, для того чтобы определить статус слова, необходимо рассмотреть всю совокупность его смысловых, синтаксических и морфологических свойств. Он считает, что слово, являющееся подлежащим, которое имеет склонение и может принять все формы, свойственные именам существительным, должно быть отнесено к именам.

Значительное место отведено наречию и в книге по грамматике турецкого языка А. Н. Кононова [10]. Определяя наречие как «неизменяемую часть речи, обозначающую признак действия, качества и предмета» [Там же, с. 274], ученый тем самым отмечает сочетаемость его с глаголом, прилагательным и именем существительным. В работе анализируются способы образования наречий, среди которых большое внимание уделяется описанию явления конверсии.

В современной татарской грамматике наречие определяется как самостоятельная часть речи, выражающая непроцессуальные признаки действия, состояния, качества, реже – лиц и предметов. В современном татарском литературном языке по лексико-грамматическому значению наречия близки именам прилагательным, так как обладают общими и специфическими особенностями. Морфологическими признаками наречий являются их неизменяемость и наличие форм степеней сравнения. Синтаксические свойства наречий состоят в том, что они поясняют глаголы, имена прилагательные, наречия и выполняют чаще всего функцию обстоятельства [13, б. 214-216; 15]. Например: *Төн бер аз салкын (Ночь была немного прохладная)*. При именах существительных они являются определением: *Балалар русча спектакль карадылар (Дети посмотрели спектакль на русском языке)*. Иногда наречия могут выполнять и функцию сказуемого: *Урамда машиналар күп (На улице много машин)*. Совокупность рассмотренных признаков, а именно: лексическо-грамматическое значение, морфологическая структура и синтаксические функции, наличие специальных словообразовательных аффиксов – дает веские основания для выделения наречия в самостоятельную часть речи [16].

Таким образом, в XIX – начале XX века наречия изучались в составе прилагательных, иногда деепричастий и служебных частей речи. Некоторые ученые затрудняются определить границы между наречиями и прилагательными, наречиями и деепричастиями, наречиями и служебными частями речи вплоть до 30-х годов XX века. С 30-х годов в грамматиках устанавливается относительное постоянство при описании наречий, которое опирается на лексико-грамматический, морфологический и синтаксический принципы. Сравнительно позднее формирование наречий как части речи не только в татарском, но и в других тюркских языках накладывает на них свой отпечаток. Вполне естественно, что при описании наречия не только в татарских, но и в других тюркских грамматиках и в настоящее время наблюдается множество дискуссионных вопросов.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М.: Катков и К°, 1875. Т. 2. Ч. 1. 661 с.
2. Алпаров Г. Х. Шәкли нигезендә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә). Казан: Татар дәүл. нәшр., 1926. 164 б.
3. Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л.: Изд-во Лен. вост. ин-та, 1935. 248 с.
4. Гиганов И. Грамматика татарского языка. СПб.: Импер. акад. наук, 1801. 264 с.
5. Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. Казань: Университетская тип., 1869. 300 с.
6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Изд-во АПН СССР, 1948. 276 с.
7. Дмитриев Н. К., Чистяков В. М. Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе. М. – Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. 284 с.
8. Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан: Хакоблнэциздат, 1948. 124 с.
9. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Ф. С. Сафиуллина, Б. Э. Хәкимов (төз.). Казан: КДУ, 2003. 118 б.
10. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
11. Насыри К. Әнмүзәж. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. 213 б.
12. Нугайбәк Г. Төрлек. Казань: Тип. И. Н. Харитонова, 1911. 80 б.
13. Татар грамматикасы. Казан: Инсан; Фикер, 2002. Т. II. Морфология. 448 б.
14. Троянский А. Краткая татарская грамматика священника А. Троянского. Казань: Тип. Коквиной, 1860. 234 с.
15. Харисова Ч. М. Татар теле. Морфология: Югары уку йорты студентлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2010. 128 б.
16. Харисова Ч. М. Татар телендә сүзләрне төркемләү принциплары // Millimädäniät. Qazan: Afyonkarahisar, 2014. В. 155-157.
17. Харисова Ч. М., Шакирова Г. Р. Наречия в татарском языке: лингвоисторический аспект // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 169-173.
18. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск: Якут. изд-во, 1943. 84 с.
19. Хисамова В. Н., Сайдашева Э. А. Проблемы взаимоотношений типа «прилагательное – наречие» в татарском и английском языках // Вестник ТГТУ. 2011. № 1 (23). С. 209-215.

ADVERB IN HISTORICAL STRUCTURE OF PARTS OF SPEECH IN THE TATAR AND OTHER TURKIC LANGUAGES

Kharisova Chulpan Mukharramovna, Doctor in Pedagogy, Professor
Shakirova Gul'nara Rasikhovna, Ph. D. in Pedagogy
Kazan (Volga Region) Federal University
c.harisova@yandex.ru; shakirova25@mail.ru

The article describes a linguo-historical aspect of adverb examination in the Tatar and other Turkic languages. A comparatively late formation of this group of words as an independent part of speech is considered. The diachrony of adverb studying by the linguists of the Tatar and other Turkic languages is examined. The paper relies on the principles and theses, which are contained in the works of specialists in Turkic philology. Adverbs in the Tatar and other Turkic languages are not differentiated from other parts of speech by any specific indicators, except for word-formative affixes. Consequently, the systemic characteristic of adverb, and also its comparison with adjective and adverbial participle are topical.

Key words and phrases: adverb; part of speech; Turkic languages; linguo-historical aspect; teaching; Tatar language.

УДК 37.02

Статья раскрывает особенности системы заданий, направленной на формирование фразеологической компетенции студентов на основе текстов для чтения. Основное внимание уделяется описанию принципов обучения студентов идиоматике немецкого языка, способов семантизации фразеологических единиц и развития умения употреблять фразеологизмы в речи.

Ключевые слова и фразы: принципы обучения; межкультурный подход; система упражнений; обучение идиоматике; фразеологическая компетенция.

Хосанова Ольга Сергеевна

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
khosainovaolga@mail.ru

СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИДИОМАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Введение понятия «фразеологическая компетенция» представляется целесообразным в связи с особым статусом идиоматики в лексическом составе любого языка. Выделение этой компетенции позволяет скорректировать цель обучения идиоматике как развитие фразеологической компетенции, составляющей лексической компетенции. Наиболее развернутое определение фразеологической компетенции представлено в диссертационном исследовании Л. С. Пугачевой. Автор понимает под данной компетенцией «способность говорящего не только воспринимать образные средства языка и речи и адекватно их интерпретировать, но и употреблять фразеологические единицы сообразно с ситуацией, темой и сферой общения, статусом собеседников» [4, с. 11].

На занятиях по иностранному языку знакомство с культурой другой страны проходит опосредованно. В данных условиях, вне языковой и культурной среды страны изучаемого языка, коммуникация с иноязычной культурой происходит на основе понимания текстов (в широком смысле) и обсуждения их содержания. Поэтому при развитии фразеологической компетенции необходимо опираться на следующие принципы, выделенные в работах современных исследователей [1; 3; 5-7]:

- принцип переноса знаний, умений и навыков в ситуацию непосредственного общения, предполагающий перенос сформированных на основе работы с идиомами в опосредованной коммуникации умений и навыков в ситуацию непосредственного общения;
- принцип межкультурной ценности, понимаемый как необходимость использования идиом, имеющих межкультурную специфику;
- принцип смены перспективы, позволяющий эффективно организовать межкультурное обучение и основанный на обучении студентов смотреть на текст не только с позиции собственной культуры;
- принцип сознательной ограниченности, направленный на использование в качестве учебного материала только идиоматически усложненных текстов;
- принцип ведущей роли текста, предполагающий организацию работы над аутентичными текстами, при которой важно привлечь студента к тексту как таковому;
- принцип работы по догадке, предусматривающий направленность упражнений на развитие у студентов языковой догадки;
- принцип комментирования трудностей, предполагающий ознакомление студентов с межкультурным комментарием к идиомам;
- принцип направленного поиска дополнительной литературы, предусматривающий использование в процессе обучения словарей и справочников.